

Цзыдишу считалось мертвым искусством. Сохранились тексты, но манера исполнения и напевы давно были утрачены.

Однако Лю Цюаньхаю несказанно повезло. Когда-то он слышал обрывки этих мелодий от старейшего ныне живущего мастера сяншэна — дедушки Мэна. Сам дедушка Мэн Цзыдишу не учил, но поговаривали, что его старший соученик по счастливой случайности владел этим искусством. Дедушка Мэн лишь запомнил несколько фраз, которые слышал в детстве — это нельзя было назвать полноценной преемственностью.

Обучение Цзыдишу было невероятно трудным процессом — не зря оно исчезло. Одних только напевов насчитывалось более сотни! Но даже того малого, что напевал и описывал дедушка Мэн, было достаточно, чтобы Лю Цюаньхай уловил этот специфический «аромат».

Именно этот «аромат» в сочетании с текстом, похожим на баллады, но имеющим свои отличия, позволил Лю Цюаньхаю догадаться: Ци Шэцзян поет Цзыдишу!

Китай велик, в нем полно «затаившихся тигров и драконов». Возможно, в какой-то семье это искусство передавалось из уст в уста.

Лю Цюаньхаю не терпелось узнать, сколько фрагментов знает сын Ся Ивэй. Даже если только этот один — это уже было невероятной находкой. Он сгорал от любопытства: где парень этому научился?

Старик вкратце объяснил всё внуку. Чем больше он думал об этом, тем сильнее становился зуд в душе. Помедлив мгновение, он решил немедленно отправиться за кулисы, чтобы поговорить с исполнителем.

С его статусом пройти в гримерку не составило труда.

А там всё еще бурлило: артисты чайной сгрудились у выхода к сцене, чтобы поглазеть на выступление звезды. Мало кто понимал в Цзыдишу, но мастеров саньсяня здесь хватало.

Ци Шэцзян одолжил инструмент у местного музыканта, и тот поначалу думал, что парень просто немного побренчит. Услышав «Цяобянь сяньсы», артисты за кулисами аплодировали не меньше, чем Лю Цюаньхай в ложе.

Лю Цюаньхай нашел господина У и попросил представить его. Хозяин чайной, конечно, не мог отказать такому мэтру и лично привел деда с внуком к выходу со сцены.

Песня закончилась. Из-за бурных оваций Ся Ивэй осталась на сцене, чтобы перекинуться парой фраз с залом. Ци Шэцзян же спустился первым и тут же столкнулся с господином У и Лю Цюаньхаем. Поскольку старик давно не появлялся на ТВ, Ци Шэцзян не узнал его лица.

Господин У поспешил представить гостя:

— Джесси, господин Лю хотел бы поговорить с тобой. Пойдемте сюда.

Лю Цюаньхай не стал ходить вокруг да около и с улыбкой спросил:

— Молодой человек, то, что ты сейчас пел на сцене... это ведь было Цзыдишу?

Даже восемьдесят лет назад мало кто мог с ходу узнать Цзыдишу.

Ци Шэцзян обрадовался, встретив знатока, и тут же подтвердил:

— Да, всё верно.

Лю Цюаньхай, получив подтверждение, разволновался еще сильнее:

— Цзыдишу считалось утраченным много лет, его никто не исполняет. Ты еще так молод — где ты этому научился? Это семейное наследие? Много ли ты знаешь?

Ци Шэцзян не мог раскрыть личность своего настоящего учителя из прошлого — его бы сочли сумасшедшим. В наш век информацию легко проверить, и любая ложь может вскрыться.

Помедлив, он ответил:

— Когда я жил в Британии, я учился у одного случайно встреченного пожилого китайца. Его семья жила там уже несколько поколений, у него не было детей, и он уже скончался. Он обучил меня почти всей западной школе напевов — я знаю около сотни фрагментов.

У Ся Ивэй была наполовину британская кровь, и она часто возила сына за границу. Это объяснение было трудно проверить из-за океана. А если пойдут детальные расспросы, всегда можно сказать, что он мало что знает о жизни того старика. Это объяснение должно было устроить и Лю Цюаньхай, и Ся Ивэй.

Лю Цюаньхай лишь сокрушенно вздохнул:

— Вот оно как... Мы все думали, что Цзыдишу погибло, а оказалось, что «жемчужина сохранилась за морем»!

...

Не успели они обменяться и парой фраз, как со сцены сошла Ся Ивэй. В отличие от сына, она за годы работы за кулисами различных концертов не раз видела Лю Цюаньхай и мгновенно его узнала.

Ся Ивэй тоже была поражена тем, что встретила здесь Лю Цюаньхай. Однако, увидев, как дед беседует с её сыном, она заволновалась и поспешила вперед:

— Здравствуйтесь, господин Лю. Джесси, это ты нашел господина Лю? Ты и вправду вознамерился выступать с сяшэном?

Ци Шэцзян выглядел совершенно сбитым с толку. Он даже не знал, кто такой Лю Цюаньхай, и только после слов Ся Ивэй осознал, что перед ним, скорее всего, коллега по цеху.

На этот раз настала очередь Лю Цюаньхай удивляться. Он пришел сюда ради Цзыдишу, а Ся Ивэй вдруг заговорила о сяшэне.

Неужели этот юноша действительно хочет им заниматься?

— Вот те на! Сейчас молодежь редко даже слушает сяшэн, а ты, с такой-то пригожей внешностью, еще и учиться ему вздумал? — Лю Цюаньхай с улыбкой оглядел Ци Шэцзяна.

Его внук, Сяо Лю, не выдержал:

— Его выступление с сяшэном — это ли не анекдот? Ой, я не в смысле, что ты — посмешище, я к тому, что это звучит как готовая шутка!

Узнав, что у Ци Шэцзяна есть реальные способности, Сяо Лю сменил тон; ему было немного неловко за свои недавние слова.

Ци Шэцзян честно ответил:

— Не учиться, а выступать. Мой наставник владел обоими искусствами («лян мэнь бао») и обучил меня сяньшэну, вот только официальной церемонии посвящения («байчжи») не было. Учитель мыслил не так, как здесь, в Китае, я даже не знаю, к какому поколению он принадлежал.

«Лян мэнь бао» и «байчжи» — это профессиональный жаргон. Первое означает владение сразу несколькими видами искусств, второе — официальное признание ученика мастером. Стоило ему произнести это, как всем стало ясно: перед ними настоящий профессионал.

Официальное ученичество подразумевает знание родословной и своего места в иерархии поколений. Но Ци Шэцзян вошел в профессию восемьдесят лет назад; Лю Цюаньхай в его возрасте, скорее всего, был бы младше его на одно-два поколения. Выдумать родословную невозможно: дела внутри гильдии — это не забытое искусство Цзыдишу, стоит начать разбираться в «генеалогии», и обман тут же вскроется.

Поэтому Ци Шэцзян решил всё отрицать, предпочитая прослыть «самоучкой» без официальной школы. Возможно, такая отстраненность и вызовет подозрения, но главное — не выдать правду.

Ся Ивэй ничего не поняла из этих терминов. Она лишь уяснила, что мастерству сын научился, пока жил в Британии.

Лю Цюаньхай же всё прекрасно понимал. В мире сяньшэна хватало «диких» артистов, но чтобы кто-то был настолько неосведомлен о собственной иерархии — это редкость.

Конечно, Ци Шэцзян отрезал все пути к расспросам, не сумев назвать даже иероглиф поколения своего учителя, и на его месте любой другой вызвал бы подозрения. Но мастерство владения Цзыдишу было налицо. Возможно, за его учителем крылась какая-то непростая история — например, его изгнали из школы?

Лю Цюаньхай ценил таланты. Поразмыслив, он сказал:

— Дже... Джесси, верно? У моего второго ученика есть свой театр сяньшэна. Как выберешь время, заглядывай ко мне, поиграем, да и выступишь с отрывком, а я послушаю.

Старик не знал английского, поэтому имя «Jesse» произнес с безупречной дикцией, выделяя каждый слог.

Сказал он это из чистого любопытства — хотел прощупать почву и посмотреть, на что парень способен в комедийном жанре. У каждой школы свои особенности, и, послушав выступление, он, возможно, смог бы что-то понять о корнях его учителя.

— С радостью! — тут же согласился Ци Шэцзян.

Ся Ивэй была знаменитостью, но к сяньшэну отношения не имела. Знакомство же с Лю Цюаньхаем давало ему проводника в мир юмора этого времени. Да и партнера для дуэта у него не было, и он не знал, где его искать.

Ся Ивэй округлила глаза:

— Погодите, Джесси, господин Лю... наш Джесси...

Она едва не лишилась дара речи. Как это так — её отодвинули в сторону и всё решили? Она пришла сюда, чтобы предостеречь сына, а в итоге сама же свела его с нужным человеком!

В этот момент подбежал менеджер и тихо доложил что-то господину У, который всё это время наблюдал за сценой.

Господин У хлопнул себя по лбу:

— Да что же сегодня за вечер такой, одни сюрпризы! Еще один отпросился.

Следом должно было быть еще одно выступление, но у артиста дома случилось ЧП, и он не смог прийти.

Лю Цюаньхай и Ци Шэцзян переглянулись, мгновенно достигнув молчаливого согласия.

Старик улыбнулся:

— Раз уж так сложилось, господин У, почему бы не воспользоваться моментом и не дать юному Джесси выйти на сцену и выступить?

Господин У был только за, но он вопросительно смотрел на Ся Ивэй.

Та замерла. Спустя долгую паузу она наконец произнесла:

— Хорошо. Тогда иди и попробуй — посмотрим, сможешь ли ты спасти положение.

Она подумала: при характере сына прямые запреты только подстегнут его бунтарство. Зачем бы она иначе тащила его за кулисы познавать тяготы жизни? Если дать ему шанс выступить сейчас, возможно, суровая реальность сама поставит его на место?

Ведь сяншэн — это совсем не то же самое, что пение.

Лю Цюаньхай кивнул:

— Отлично. Что будешь исполнять? Хочешь, я подыграю тебе в паре («пэн»)?

Ци Шэцзян покачал головой:

— Нет времени прорабатывать реплики. Я выступлю с монологом («данькоу»).

...

Когда выступают двое — это дуэт («дуйкоу»), когда один — монолог («данькоу»).

Ци Шэцзян недолго готовился за кулисами, одолжив необходимый инвентарь — благо, там всё было под рукой.

Спустя двадцать минут настало его время. Лю Цюаньхай с внуком и Ся Ивэй заранее прошли в ложу, чтобы посмотреть выступление.

Конферансье объявил номер: монолог сяншэн, исполнитель — Джесси.

Неизвестно, о чем думал ведущий, объявляя западное имя вместо китайского. Но если подумать, имя «Джесси, сын Ся Ивэй» действительно было куда известнее, чем «Ци Шэцзян».

Сотрудники вынесли на сцену стол, на котором лежали синму (деревянный брусок-колотушка), складной веер и другие атрибуты. Ци Шэцзян вышел в своей обычной одежде, не спеша приблизился к столу.

Он уже появлялся на сцене с матерью, был красив, и зрители его запомнили. Некоторые видели его в шоу и знали, что он хоть и хорош собой, но довольно скован. В зале слышались перешептывания.

«Объявили сяншэн, неужели он сможет что-то сказать?»

Молодой, красивый, имя иностранное, и вдруг — сяншэн? Это выглядело слишком странно.

Если бы он вышел спеть или станцевать, его бы приняли с восторгом — только что он отлично выступил с Ся Ивэй, одного его лица хватало, чтобы оправдать цену билета. А перешептываясь, зрители вспоминали все его промахи на телевидении.

В ложе Лю Цюаньхай и Ся Ивэй видели, как зашумел зал. Они затаили дыхание: оба понимали, в чем главная сложность для Ци Шэцзяна — он был слишком красив!

Зрители были полны скепсиса, их внимание было приковано к его лицу и сплетням вокруг него. Как они смогут сосредоточиться на том, что он говорит? Даже если выступление будет блестящим, эффект может быть смазан.

Ци Шэцзян замер. Окинув взглядом аудиторию, он начал с декламации: «В безмолвных горах и реках печаль по вину пробудилась, Под холодным лунным небом не спится в ночи. Рассказы о призраках — дело привычное для человека, Так не будем же судить, где в них... правда, а где ложь!»

«Пах!» — раздался резкий хлопок.

Брусок синму ударил по столу.

В зале мгновенно воцарилась тишина. Лишние звуки стихли.

Это называлось «динчанши» — вступительные стихи. Перед началом монолога сяншэн или пиншу артист читает стихи, чтобы привлечь внимание публики. Они могут быть лирическими, могут вводить в суть истории или содержать шутку, чтобы настроить людей на нужный лад.

Ци Шэцзян произносил слова четко, его голос был звонким и громким, но не резал слух. Он держался на сцене невероятно уверенно. Слово за словом, и зрители невольно замолчали, вслушиваясь в ритм.

К концу стихотворения в зале наступила полная тишина. Финальный удар бруска поставил точку: зал был усмирен. Эти вступительные стихи «придавили» всё помещение!

Примечание: Стихотворение взято из предисловия к «Дуньлин Сяочжи» и слегка изменено для сюжета.

<http://bllate.org/book/17028/1583416>